

Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода

© 2021

Сурен Тигранович Золян

Балтийский федеральный университет им. Им. Канта, Калининград, Россия;
Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия;
Институт философии, социологии и права НАН Армении, Ереван, Армения;
surenzolyan@gmail.com

Аннотация: Понятие системы в языкознании является основополагающим, детально и многогранно разработанным в различных направлениях. Вместе с тем в лингвистике все еще в недостаточной мере учитывается его развитие в смежных отраслях знания, в частности, в общей теории систем и в теории социальных систем Никласа Лумана, где регулярно рассматриваются проблемы языка, его организации и функций. Необычность лумановской концепции языка приводит к тому, что она остается освещена недостаточно. Мы попытались показать, что, несмотря на полемику с Ф. де Соссюром и основными положениями структурной лингвистики, Луман воспроизводит ключевые постулаты соссюрианской лингвистики, наделяя их новыми характеристиками. В первую очередь, это принцип дифференциации. Теория Лумана создает возможность нового взгляда на такой кардинальный вопрос лингвистической теории, как функционирование языковой системы в ее связи с коммуникацией и сознанием, а его понимание системности может существенно углубить понимание языка как системы — но не знаков, а отношений и операций. Теория Лумана вносит новое измерение, придавая системности многомерный и динамический характер, преобразуя парадигматические и синтагматические отношения в операции. Экстраполяция идей Лумана позволяет предложить более адекватное понимание таких понятий структурной лингвистики, как уровни языковой организации, и преодолеть дуализм синхронного и диахронного описания языка. Создается возможность для неоструктуралистской лингвистики, которая на новом методологическом уровне продолжит традиции системно-структурного описания языка в духе идей Соссюра — Ельмслева, актуализируя в том числе не нашедшие места в «Курсе» идеи.

Ключевые слова: Ельмслев Л., история лингвистики, лингвистика и философия, Луман Н., де Соссюр Ф., социолингвистика, структурализм, теория языка

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01536 «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований») в ИНИОН РАН).

Для цитирования: Золян С. Т. Как примирить Лумана с Соссюром: принцип внутрисистемной дифференциации как основа неоструктуралистского подхода. *Вопросы языкознания*, 2021, 1: 121–141.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.121-141

How to reconcile Luhmann with Saussure: The principle of intrasystemic differentiation as a basis for a neo-structuralist approach

Suren T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;
Institute of Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia,
Yerevan, Armenia; surenzolyan@gmail.com

Abstract: The notion of system is fundamental to linguistics and has been elaborated thoroughly from various perspectives. At the same time, linguistics is still largely unaware of the development of this notion in the neighboring areas, including general theory of systems and Niklas Luhmann's theory of social systems, which offers a discussion of language, its organization and its functions. Luhmann's perspective on language remains insufficiently taken into account because of its peculiarity. We attempt to show that despite his polemics with Saussure and the basic principles of structural linguistics, Luhmann reproduces these principles, while providing them with new features. This concerns in the first place the principle of differentiation. Luhmann's theory enables a new perspective on such central issue in linguistics as functioning of linguistic system in connection to mind and communication, and his understanding of system can substantially deepen our understanding of language as a system — not a system of signs, but that of relations and operations. Luhmann's approach makes the notion of systemicity multi-dimensional and dynamic by transforming paradigmatic and syntagmatic relations into operations. Extrapolation of his ideas makes it possible to propose a more adequate view on the levels of language organization and overcome the dualism of synchronic and diachronic description. It opens the way to neo-structural linguistics, which will bring the traditions of systemic language description in the spirit of Saussure and Hjelmslev to a new level, and also actualize some ideas that found no place in the Saussure's *Course*.

Keywords: history of linguistics, Hjelmslev L., linguistic theory, linguistics and philosophy, Luhmann N., de Saussure F., sociolinguistics, structuralism

Acknowledgments: The research was supported by Russian Science Foundation (project No. 17-18-01536).

For citation: Zolyan S. T. How to reconcile Luhmann with Saussure: Principle of intrasystemic differentiation as a basis for neo-structuralist approach. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 1: 121–141.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.121-141

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет;
И снова скальд чужую песню сложит
И, как свою, ее произнесет.
О. Мандельштам. 1914.

1. Введение: Соссюр и Луман

История науки изобилует многочисленными примерами того, как развитие осуществляется не путем последовательного накопления новых фактов и усовершенствования имеющихся теорий, как то представляется в учебниках, а скорее в соответствии с нелинейной логикой «бриколажа» — этим заимствованным из биллиарда термином, обозначающим неожиданный удар рикошетом, Клод Леви-Стросс предложил описывать один из механизмов мифологического мышления. Новое рождается не как прибавление некоторых деталей к уже известному, а в полемическом противостоянии, что временами

не позволяет увидеть концептуальной преемственности. Между тем именно подобные бриколажи и «конфликты интерпретаций», особенно если они выходят за рамки одной дисциплины и приобретают трансдисциплинарный характер, обеспечивают возможность качественно нового роста научного знания, поскольку тем самым вводятся в оборот идеи и смыслы, которые нельзя было предвидеть на начальном этапе. Одним из подобных примеров может стать нелинейное преломление идей Фердинанда де Соссюра в системной теории Никласа Лумана (1927–1998) и их уже возможная ретроспективная аккомодация к концепции Соссюра. При этом кажущаяся общность, основанная на внешних признаках, при ближайшем рассмотрении оказывается обманчивой: тот факт, что Соссюра приписывают к социологическому направлению в языкознании, а в своей концепции общества Луман отводит языку одну из важнейших функций, никак не влияет на концептуальное ядро их теорий. Основой взаимодействия, притяжения и отталкивания этих теорий составляют понятия системы, системности и дифференциации.

В биографическом плане Луман — антипод Соссюра. Соссюр в ранней молодости своим первым трудом приобрел известность в академических кругах, после этого практически не публиковался, а всемирную известность ему принес труд, составленный и опубликованный его учениками уже после его смерти. Луман начал академическую карьеру уже в зрелом возрасте, только в 1960-х гг. Он опубликовал около 70 книг и 400 статей на многих языках, всемирная известность в академических кругах пришла к нему в 1980-х, уже при жизни он был признан классиком социологии и философии. Основной объект его исследований — принцип системности, поэтому его работы выходят за рамки социологии и имеют общенаучную методологическую значимость. Основные работы Лумана переведены на русский язык, ему посвящены разделы в авторитетных учебниках по истории философии [Посконина 1999] и социологии, а многочисленные исследования о нем хотя бы только на русском языке не поддаются перечислению (те из них, которые соотносятся с тематикой нашей статьи, будут упомянуты по ходу изложения). Между тем крайне мало исследований (а на русском языке таковые отсутствуют), в которых рассматривались бы лингвистические аспекты теории Лумана. Это при том, что проблемы языка крайне важны и для Лумана, и для понимания Лумана. А для лингвистики было бы существенно оценить возможность применения системной теории Лумана к языку. Ведь дав, благодаря Соссюру и его последователям мощный толчок для развития системного подхода в гуманитарных науках, лингвистика впоследствии практически проигнорировала достижения общей теории систем, полученные при анализе биологических [Bertalanffy 1968], а затем кибернетических систем [Эшби 1959]. Оказались обойденными вниманием динамические аспекты системности и связанное с ними понятие аутопоэзиса (в русском переводе Лумана — «аутопойезис») [Матурана 1995]. В целом понимание системы и системности в лингвистике продолжает оставаться в рамках своего рода комментария к теории Соссюра.

Сказанное относится и к тому пониманию социальных систем и системности, которое было выработано Луманом¹. Стержень его социологической концепции — это не общество и его институты или происходящие в нем процессы, а такие понятия, как смысл и коммуникации. «Общество — это система, конституирующая смысл», — утверждает он [Луман 2011: 50]. Разумеется, что при обращении к смыслу и коммуникации не могла не быть затронута и проблематика, связанная с языком. В наиболее цельном виде взгляды Лумана на язык изложены в специальной главе «Язык» второго тома «Медиа коммуникации» монографии «Общество общества», а проблемам эволюции языка посвящена значительная часть ее третьего тома «Эволюция» [Луман 2011]. Следует отметить цельность и постоянство взглядов Лумана на проблему смысла и языка — они могут быть даны сжато

¹ Ср.: «Хотя термин “система”, по-видимому, является одним из наиболее широко используемых в лингвистике, знание о современной теории систем встречается далеко не часто. Это особенно верно применительно к теории социальных систем» [Zeige 2015: 330–331] (здесь и далее перевод англоязычных источников наш. — С. 3.).

или развернуто, но всегда остаются в рамках единой, существенно не меняющейся концепции, которая при этом не свободна от парадоксов и трудновосместимых утверждений.

Но при этом, что для лингвиста довольно неожиданно, язык и смысл в концепции Лумана оказываются разьединены (специально об этом: [Luhmann 1990: 50–51]. Необычность, а временами и прямая полемичность лумановской концепции языка приводит к тому, что она остается освещенной явно недостаточно, возможно, в силу непривычности ее положений, что создает серьезные концептуальные помехи при их лингвистической интерпретации. Так, австрийский лингвист П. Дойчман [2018: 88] отрицает такую возможность в целом, считая что лумановское максимально широкое понимание коммуникации не оставляет места для его конкретизации применительно к языку или культуре². Другие исследователи, обращаясь к проблеме смысла, также обходят стороной собственно лингвистические аспекты, при том что сам Луман довольно часто обращается к ним (из работ, рассматривающих смысл и коммуникацию с определенными лингвистическими коннотациями, отметим [Антоновский 2007; Смирнов 2011; Назарчук 2012; Жуков 2019]; лингво-семиотические аспекты, за исключением обзора [Esposito 1999], описываются преимущественно в дискуссионном ключе [Maurer 2010; Stäheli 2012; Tóth 2015; Zeige 2015; Calise 2020]).

2. Язык и языковой знак в концепции Лумана

Подобная ситуация представляется неслучайной. Сам Луман, кажется, подчас сознательно создавал барьеры между лингвистикой и социальной теорией, выдвигая неприемлемые для лингвиста положения. Так, для него язык не только не является коммуникативной системой (поскольку сам по себе не служит коммуникации, а является ее **медиумом**) [Луман 2011: 280] но даже и не есть система [Там же: 114], что, кажется, не оставляет возможности даже для полемики (в полемику по этому поводу с Луманом вступил не лингвист, а социолог [Calise 2020]). Оставляя в стороне временами спорные наблюдения Лумана относительно конкретных лингвистических явлений (например, по поводу усвоения языка или же происхождения языковых форм), мы попытаемся продемонстрировать, что теория Лумана создает возможность нового взгляда на такой кардинальный вопрос лингвистической теории, как функционирование языковой системы в ее связи с коммуникацией и сознанием, а его динамическое понимание системности — вопреки вышеприведенному утверждению Лумана — может существенно углубить понимание языка как системы, но не знаков, а отношений и операций (знаки выступают как их результат).

«Основополагающий медиум коммуникации, гарантирующий регулярный, развертывающий себя как продолжающийся аутопойезис общества — это язык» [Луман 2011: 222], — так начинается глава «Язык». При всей «почтительности» этой формулировки по отношению к языку в теории Лумана она означает то, что язык — это лишь медиум коммуникации, а в этой функции может выступать письмо, книга, электронные медиа. Каждому из этих медиумов присущ свой вид оперирования с формой — информацией. Заметим, что отказывая языку в самостоятельной системности и понимая под языком некий медиум коммуникации, то есть условия ее возможности, в ряде случаев ученый

² Добавим: Луман сам отказывается от рассмотрения коммуникации как действия или процесса; для него это особый, не сводимый к чему-либо иному вид аутопоэтических операций, которые и есть коммуникация: «Всегда были люди, индивиды, субъекты, которые действуют или же коммуницируют. В противоположность этому я утверждаю, что коммуницировать может только коммуникация и что только в сети таких коммуникаций производится то, что мы понимаем как действие (...) Она устанавливается через синтез трех различных селекций, а именно: селекции информации, селекции сообщения этой информации и селективного понимания или непонимания сообщения и его информации» [Луман 1995]. См. также [Назарчук 2012].

приравнивает собственно язык как систему с формой его актуализации, поэтому под языком может пониматься скорее звучащая речь, которая принципиально отличается от другого лингвистического медиума — письма. Письмо и книга у Лумана выступают не как формы фиксации языка, а как особые медиумы. Но при этом подчеркнута ценность рассмотрения языка как самой возможности коммуникации — это **основополагающий** медиум, хотя обычно Луман старается избегать каких-либо онтологических допущений. Осознавая вытекающую из этого масштабность проблемы описания языка, Луман предпочел обозначить кардинальное отличие своего понимания от господствующих в лингвистике представлений:

«Применительно к теории системы общества было бы нецелесообразно совершать гигантский экскурс ради разработки теории языка и теории схематизмов, основывающихся на этой функции структурного сопряжения. Мы лишь укажем на то, что наш подход противоречит основным предпосылкам лингвистики де Соссюра: мы утверждаем, что языку не присущ никакой собственный тип оперирования; что он должен осуществляться либо как мышление, либо как коммуникация; что язык, следовательно, не является настоящей системой. Он был и остается зависимым от того, что системы сознания, с одной стороны, и система коммуникации общества, с другой стороны, продолжают свой собственный аутопойезис в виде совершенно закрытых операций» [Луман 2011: 114].

Понятие языкового знака как некоторой закрепленной связи между означаемым и означающим преобразуется Луманом в динамическую операцию соположения коммуникативных и когнитивных характеристик:

«В качестве сопряжения систем сознания и систем коммуникации символ означает лишь наличие дифференциации, которая, будучи рассмотренной с обеих сторон, может пониматься как тождественная. В этом смысле символическое использование языковых обобщений (= воспроизводимых способов употреблений) предполагает знаковый характер языка, что означает способность отличать означающее (слова) от означаемого (вещи) в сознании и в коммуникации» [Луман 2011: 114–115].

Как видим, в данном случае Луман придерживается дофрегеанского понимания семантики языкового знака: у него отсутствует дихотомия смысла и значения (*Sinn vs. Bedeuntang*), — означаемым знака в данном случае у Лумана именуется не смысл (*Sinn*), а вещь, то есть значение, референт, денотат, экстенционал; это разные переводы фрегеанского термина *Bedeuntang* (хотя о семантической теории Фреге Луман нигде не упоминает, к нему он мимоходом обращается в иной связи — говоря о понятии «понятие» [Луман 2016: 371] и применительно к разграничению идей и представлений [Луман 2007а: 346]. Возможность знаков, не имеющих референта, подвигает ученого на предвидение такой теории знака, в которой они не «отягощены» отношением референции к миру: это был бы «не конец теории знака, а ее начало» [Luhmann 1999: 47]. Впрочем, уже само рассмотрение смысла, как каким-либо образом связанного со знаковым отношением, для Лумана не характерно. Парадоксальным образом проблемы смысла и значения и проблемы знака как отношения между означаемым и означающим оказываются разделены. Знак есть форма, а форма есть различие и одновременно форма различия между означаемым и означающим — к этому можно свести суть предложенной Луманом теории. В этом он апеллирует к Соссюру, к его пониманию знака как отношения между означаемым и означающим, хотя интерпретирует его по-своему: «Соссюр уже пришел к такому заключению. Согласно его теории, *означающее* и *означающее* являются необходимыми компонентами языковой единицы, то есть знака. Они различаются не ввиду их природы или сущности, а исключительно как компоненты подобного различения. Одно не может существовать без другого» [Luhmann 1999: 50].

Луман вносит важное уточнение: первичным признается отношение различия между означающим и означаемым, а не они сами. Он крайне своеобразно трактует понятие значимости

(см. ниже), так что перестает различаться крайне важное для теории Соссюра разграничение между значением и значимостью знака (внесистемным и внутрисистемным отношением знака), и приписывает это неразграничение Соссюру³. Согласно Луману, знаки языка позволяют различать смыслы, но сами по себе эти смыслы выражать не могут. Так, различие между профессором и студентом — это различие между двумя лексемами, и нет возможности установить, какие отличия соответствуют им во внешнем мире, есть лишь диктуемое языком требование отличать их друг от друга [Luhmann 2006: 39]. Референция языкового знака ограничивается отношением между означаемым и означающим и поглощается им:

«В отношении означающего к означаемому выражена референтность: означающее означает означаемое. Сама же форма (и только ее следует называть *знаком*), напротив, не имеет никакого референта; она функционирует лишь как различение и лишь тогда, когда она фактически используется в этом качестве. То есть знаки — это структуры для (повторяемых) операций, которые не нуждаются в контакте с внешним миром. Вопреки распространенному предположению, они не служат “репрезентации” фактов внешнего мира внутри системы. Напротив, различение между означающим и означаемым является внутренним различением, которое не предполагает, что обо-значаемое существует во внешнем мире» [Луман 2011: 224].

Смысл (Sinn) для Лумана есть и операция, и продукт операции, почему и не есть свойство какого-либо объекта (знака):

«Смысл существует исключительно как смысл использующих его операций, а значит, лишь в тот момент, когда он этими операциями определяется — не раньше и не позже. Поэтому смысл — это *продукт* операций, использующих смысл, а не какое-то свойство мира, обязанное своим происхождением какому-либо творению, учреждению или источнику» [Луман 2011: 46].

Подобное операциональное понимание смысла принципиально отличается также и от соссюровской значимости — как совокупности отношений, в которые вступает знак внутри системы и которое с синхронной точки зрения является постоянной и контекстно-независимой величиной. Смысл связан не со знаками, а, в зависимости от формы его процессирования, либо с сознанием, либо с коммуникацией. Но и они не являются «носителями» смысла:

³ Ср.: «Если пользоваться языком, то не обойтись без знаков, которые, как учит Соссюр, не открывают нам доступа к вещам, но только выражают существующие между собой различия» [Луман 2007б: 108]. Это верно только относительно понятия значимости знака и не учитывает такую важнейшую, по Соссюру, характеристику отношения между знаком и его значением вне системы, как произвольность. Возможно, осознавая это, Луман оспаривает понятие произвольности знака, сводя его к недетерминированности и к энтропии: «Произвольность как таковая не существует, она появляется только при изолированном рассмотрении знака как формы — то есть как отношения отличия между означающим и означаемым» [Luhmann 1999: 54]. В другой связи Луман, оспаривая соссюровское понимание — опять же в своей интерпретации — предлагает свести его к взаимодействию традиции и произвольности: «Обычно, следуя Соссюру (*l'arbitraire du signe*), говорят о произвольности знакового установления. Однако это заблуждение. (...) Произвольность имеет место только в отношении означающего и означаемого. Она выступает условием изоляции употребления знаков. Сами же знаки (как форма этого различения), однако, являются зависимыми от традиции и от высокой степени избыточности в их способности примыкания друг к другу. Если бы их следовало постоянно производить заново, было бы невозможно ни научиться им, ни их использовать. Произвольность и традиция не исключают друг друга, напротив: они взаимно обуславливают друг друга — как медиум и форма» [Луман 2011: 243]. Ср. с противоположной, куда более обоснованной критикой Бенвениста: произвольность есть отношение между знаком и референтом, и оно неприменимо к отношению между означающим и означаемым, в этом случае связь является необходимой [Бенвенист 1974: 90–93].

«Ошибочно вообще искать “носителя” смысла. Смысл несет себя сам тем, что самореферентно обеспечивает собственную репродукцию. *И лишь ее формы дифференцируют психические и социальные структуры.* Носителем, если уж сохранять это выражение, является *различие* в смысловых отсылках» [Луман 2007а: 144].

Поскольку нет носителей смысла, соответственно, вне какого-либо операционального смысла-контекста знаки не в состоянии его породить⁴, почему и вполне логично выглядит то, что с употреблением **знаков как таковых** Луман связывает не смысл, а его отсутствие. Только благодаря неосмысленным действиям со знаками можно породить **бессмысленное**, которое в таком качестве неизбежно приобретет смысл: «Различение смысл/ бессмысленное в самый момент его употребления приобретает смысл и, благодаря этому, воспроизводит смысл как медиум всех формообразований» [Луман 2011: 53].

В ряде случаев вследствие сложности и своеобразия лумановской терминологии трудно проследить след идей Соссюра в его концепции. Так, если бы не прямая отсылка, то вряд ли можно было бы догадаться, что понятие значимости Соссюра было преобразовано Луманом в комплексную операцию: «Секвенцирование, разложение компактного смысла на некое *одно-за-другим*, следует своему собственному порядку. Здесь достаточно четким образом нужно уметь различать и обозначать, чтобы мочь производить подсоединения» [Луман 2016: 157]⁵. Такая трансформация весьма интересна и может получить перспективное развитие в семиотике, но данная без каких-либо пояснений не столько развивает мысль Соссюра, сколько показывает, насколько замысловатой оказывается траектория его идей в теории Лумана.

Своеобразие лумановского подхода к языковому знаку можно объяснить также и тем, что для него смысловой единицей оказывается предложение — допредложенческий уровень языка есть тот ставший формой медиум, который служит для более сложно организованных форм — предложений:

«При помощи того, что уже является формой, — собственно, при помощи слов языка, может быть образован новый медиальный субстрат: весьма обширное, связанное только свободным образом множество таких слов, которые затем в свою очередь объединяются в жестко связанные формы, собственно — в предложения (...) В рекурсивной сети языковой коммуникации способностью подсоединения обладают лишь предложения: они могут предвосхищаться в виде смутной словесной структуры и вспоминаться в виде фиксированного смысла. Они могут цитироваться, перетолковываться, подтверждаться или опровергаться; и они транспортируют в этом смысле аутопойезис системы через сцепливание /расцепливание словарного состава» [Луман 2011: 233–234].

3. Принцип дифференциации Соссюра как основа системной теории Лумана

Как может показаться из вышеизложенного, теория знака и языка Лумана настолько отлична от существующих лингвистических семантических теорий, что для своего приложения к языку потребует построения какой-либо иной версии лингвистики. Однако

⁴ Ср.: «Ни смысл как таковой не является знаком, ни знаковая техника языка не объясняет, какой отбор знаков будет успешен в процессе коммуникации» [Луман 2007а: 222]; «Смысл может быть понят лишь в контексте, а в качестве такового для каждого работает прежде всего то, что дают восприятие и память» [Луман 2007а: 219].

⁵ «Речь идет о много обсуждающейся влиятельной идее языковой теории Соссюра» [Луман 2016: 182], ср. [Соссюр 1916/1977: 149].

это впечатление основывается на поверхностных характеристиках. Для того чтобы адекватно отобразить соотношение между системной теорией Лумана и современной лингвистикой, необходимо, в духе рассматриваемой теории, некоторое самоограничение, редукция. Поэтому ограничимся тем, на что указано самим Луманом и что, при всех оговорках, можно считать концептуальной основой его лингвистической теории. Луман неоднократно упоминает Соссюра, но, как правило, отмечая отличие своих представлений о языке от соссюрианской лингвистики или же приписывая ему собственное понимание. В первую очередь это касается понятия знака. Но то, что в своем подходе к языковому знаку сам Соссюр недостаточно последователен и в этом смысле он недостаточно соссюрианец, было показано еще Луи Ельмслевом [1960: 307–316] и Эмилем Бенвенистом [1974: 90–97].

Важнее не эти, пусть и достаточно существенные различия, а общность метода. Тот единственный пункт, в котором Луман солидаризируется с Соссюром и что берется им за основу — это метод дифференциации, знаменитый тезис Соссюра о том, что в языке нет ничего, кроме отличий. Именно на это положение Соссюра указывает Луман (правда, не в основном тексте, а в сноске) как на **один из источников** своей методологии⁶:

«На этом основании для упорядочения различий вводят такие идентичности, как слова, типы, понятия. Они служат зондами для прощупывания того, что именно проявляется как отличие от другого; и тогда, конечно, — чтобы удерживать и воспроизводить проявившееся (...) Одним из источников такого понимания является, как известно, Соссюр, согласно которому понятия “чисто дифференциальны”, т. е. определяются не положительно — своим содержанием, но отрицательно — своим отношением к прочим членам системы. Их наиболее точная характеристика сводится к следующему: быть тем, чем не являются другие» [Луман 2007а: 117].

Уместно привести первоисточник:

«В применении к единице принцип дифференциации может быть сформулирован так: отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу» [Соссюр 1916/1977: 154].

Другое ключевое положение Соссюра — о том, что «язык есть форма, а не субстанция» — получает в теории систем Лумана несколько иное продолжение: форма противостоит не инертной субстанции, а медиуму, разница между которыми подвижна и определяется не различием их составляющих, а степенью внутренней организованности:

«Мы делаем это при помощи различения *свободного и жесткого сцепления моментов*. Медиум состоит из свободно связанных элементов, форма же, напротив, жестко сопрягает те же самые элементы» [Луман 2011: 211]; «Медиум собирается — и снова распадается. Без медиума нет формы, а без формы нет медиума. Во времени же оказывается возможным постоянное воспроизводство этой дифференции» [Там же: 212].

Разграничение медиума и формы углубляет соссюровское разграничение субстанции и формы, от которого, как нам представляется, отталкивается Луман. Разумеется, само разграничение восходит к античности и Аристотелю, но его понимание Луманом у лингвистов

⁶ В одной из лекций Соссюр также упомянут как предшественник методологии, основанной на понятии **различения**, но представленной крайне упрощенно: «Одним из предшественников был Фердинанд де Соссюр (...) Он выдвинул тезис о том, что язык — это различие между разными словами или, если сформулировать теорию в терминах сентенциальных структур, различными пропозициями, а не как разница между словами и вещами, как это представляла (imagine) классическая семиология, или семиотика» [Luhmann 2006: 39].

может ассоциироваться с хрестоматийным рисунком Соссюра, к которому тот дает следующее пояснение:

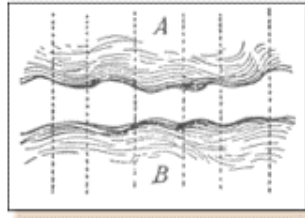

Рис.

«В психологическом отношении наше мышление, если отвлечься от выражения его словами, представляет собою аморфную, нерасчлененную массу. Философы и лингвисты всегда сходились в том, что без помощи знаков мы не могли бы с достаточной ясностью и постоянством отличать одно понятие от другого. Взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто четко не разграничено. Предустановленных понятий нет, равным образом как нет никаких различий до появления языка. Но быть может, в отличие от этой расплывчатой области мысли расчлененными с самого начала сущностями являются звуки как таковые? Ничуть не бывало! Звуковая субстанция не является ни более определенной, ни более устоявшейся, нежели мышление. Это — не готовая форма, в которую послушно отливается мысль, но пластичная масса, которая сама делится на отдельные части, способные служить необходимыми для мысли означающими. Поэтому мы можем изобразить язык во всей его совокупности в виде ряда следующих друг за другом сегментаций, произведенных одновременно как в неопределенном плане смутных понятий (А), так и в столь же неопределенном плане звучаний (В)» [Соссюр 1916/1977: 114–115].

Столь обширная цитата призвана показать, что воздействие идей Соссюра куда значительнее. Луман воспроизводит не только дихотомию «форма — субстанция», но и идею о посредническом (то есть медиумном) характере языка — расширяя и уточняя ее. Другое уточнение связано с пересмотром понятия «субстанции» — вместо соссюровского представления о субстанции как об аморфной (неорганизованной) среде Луман предлагает куда более адекватное разграничение между слабо- и строго- организованными комплексами. В самом деле, уже на рисунке Соссюра можно найти определенную организацию и применительно к субстанции. Можно предположить, что Луман, при его исключительной эрудиции, мог быть осведомлен и о том полемическом продолжении, которое получила схема Соссюра у Ельмслева:

«Но этот педагогический прием, как бы блестяще он ни был выполнен, не имеет смысла, и сам Соссюр должен был прийти к этому выводу. В науке, избегающей лишних постулатов, нет основания для предположения, что субстанция содержания (мысль) и субстанция выражения (поток звуков) предшествует языку во времени или в иерархическом ряду, или наоборот. Если мы сохраним терминологию Соссюра — и будем исходить именно из его предположений, — станет ясным, что субстанция зависит от формы в такой степени, что существует исключительно благодаря ей и никоим образом не имеет независимого существования» [Ельмслев 1960: 308].

Как видим, Луи Ельмслев вводит уточнения: вместо заимствуемых из других сфер противопоставлений (**мышление** и **звуковая субстанция**, как у Соссюра) он «внедряет» их в язык: уже в самом языке он разграничивает план содержания и план выражения, а внутри каждого из них воспроизводится разграничение между формой и субстанцией [Ельмслев

1960: 310]⁷. У Лумана этот подход получает дальнейшее развитие: на каждом из новых уровней (планов) продолжают воспроизводиться разграничение между медиумом и формой. При этом медиум — соссюрская субстанция — также организован, а форма налагает на него новые ограничения, что приводит к увеличению степени его сложности. С увеличением степени комплексности и ограничений происходит переход от более свободных систем к более организованным. Эти операции различения, или отграничения, порождают новые смыслы и отношения, которые отсутствовали на прежнем уровне. Можно показать это на примере основной единицы языка — слова. Слово по отношению к предыдущим уровням есть структурная единица, оформленная в понятийном и акустическом плане и само по себе имеющее смысл. Но в предложении оно выражает куда более ограниченное и более определенное ситуативное значение — лексическое значение выступает только как медиум для его употребления в предложении. (Возможно, поэтому смыслом у Лумана обладают не собственно знаки, а их «соединения» и «вхождения» — то есть знаки в составе предложения / высказывания.) Наиболее явно это проявляется на примере действительных слов. Например, «я» в конкретном высказывании может относиться только к тому, кто именно произносит (или пишет) данное слово, «здесь» — к месту произнесения, и т. д. Операция «автореференции» получает в этих случаях наглядное и даже буквальное воплощение.

Другой инновацией оказывается переосмысление дихотомии Соссюра «язык — речь», для чего вновь используется разграничение формы и медиума:

«Оно заменяет или, по крайней мере, дополняет соссюрское различие между “langue” [язык] и “parole” [речь]. Это различие можно обобщить в различие структуры и события. Тогда-то мы и поймем, что ему не хватает как раз того, что дает системная теория, а именно — выработки объяснения, как события производят структуры, а структуры направляют события. Различение медиум / форма как раз и заполняет это срединное царство. Оно равно предполагает способные к сцеплению элементарные события (paroles), как и необходимость структурированного языка — для проведения этого сцепления и его варьирования, сообразного моменту» [Луман 2011: 216].

Луман точно определяет, в чем необходимо дополнить дихотомию Соссюра: в ней отсутствует возможность перехода от языка к речи. На это было указано Бюиссансом [1942/2016], затем Бенвенистом, что в результате привело к различным версиям теории дискурса, стремящимся заполнить этот промежуток. Решение Лумана позволяет увидеть проблему в новой перспективе: дискурс предстанет как форма по отношению к речи и медиум по отношению к языку. Одновременно эти отношения будут дополнены динамическим взаимодействием: **структура — событие**. Поскольку в теории Лумана форма и медиум отличаются не составом элементов, а степенью «жесткости» их организации, то возникает вопрос, который в дальнейшем потребует особого рассмотрения: в силе ли останется дублирование теоретических термов, разделяющее их на единицы языка и единицы речи, и нельзя ли будет различие между ними свести к различию в степени упорядоченности, и в конечном счете дифференцированности (а не к противопоставлению абстракции и ее конкретизации, такой подход сам Соссюр приписывал не себе, а **школе Боппа**, см. раздел 6). Как уже было указано [Zeige 2015], аутопоэзис предполагает, что не система определяется элементами-во-взаимоотношениях (elements-in-relations), а наоборот: система функционирует именно как механизм создания и воспроизведения элементов-во-взаимоотношениях, чем и обеспечивается ее динамическая стабильность.

⁷ Заметим, что в этом вопросе Ельмслев, а впоследствии и Луман вполне могли бы сослаться на Соссюра: «Материальная единица существует лишь в силу наличия у нее смысла, в силу той функции, которой она облечена; И наоборот, <...> смысл, функция существуют лишь благодаря тому, что они опираются на какую-то материальную форму» [Соссюр 1916/1977: 172].

Как видим, не только соссюрсовское понятие «отличий» как основной характеристики системы, но и разграничение формы и субстанции, а также языка и речи находят свое продолжение в лумановской системной теории, но уже как различные манифестации взаимодействия между формой и медиумом. Что касается основной функции языка — связывать друг с другом сознание и коммуникацию, это по сути воспроизводит соссюрсовское понимание, но выводя его за пределы языка в коммуникацию: у Соссюра — это посредствующее звено между мыслью и звуком⁸, тогда как у Лумана язык есть средство связать мысль (сознание) с коммуникацией. Как видим, полемизируя с Соссюром, Луман воспроизводит основные постулаты соссюрианской лингвистики, но, безусловно, надеясь их новыми характеристиками. Что парадоксально, Соссюра в истории лингвистики принято относить к представителям социологической школы, но для Лумана его теория важна только вследствие ее системности. При этом само понятие «общество» описывается Луманом так же, как могла быть описана языковая система⁹: те концепты, которые традиционно рассматривались как социальные (индивиды, государства, институты), Луман относит не к системе, а к окружающей среде. Между тем сама теория Соссюра асоциальна — язык, в отличие от речи, признается социальным институтом, но описывается как определяемая исключительно внутренними отношениями система. Это наиболее существенная точка соприкосновения между двумя теориями, описывающими свой объект как некоторую упорядоченную систему семиотических операций: у Соссюра — как систему сегментаций и синтагматических и парадигматических («ассоциативных») отношений, у Лумана — как последовательных рекурсий и различений.

4. Язык как система самонаблюдения и самоописания

Из совпадения или же близости основ теорий Соссюра и Лумана можно вывести также и ряд важных аналогий, которые хотя прямо не содержатся в «Курсе» Соссюра, но получают развитие в лингвистике XX в.

4.1. В качестве подобной возможности остановимся подробнее на вышеприведенном определении языка как посредствующего звена между мыслью и звуком [Соссюр 1916/1977: 114]. Теория Лумана позволяет найти возможность совмещения подхода Соссюра к языку как к замкнутой системе с его неогумбольдтианской интерпретацией (например, в духе теории лингвистической относительности Сепира — Уорфа). У Лумана язык также посредник, но уже между сознанием и коммуникацией. Это точнее, чем у Соссюра, но разница не представляется принципиальной, поскольку оба имеют в виду один и тот же процесс. Для гумбольдтианской лингвистики характерно рассмотрение языка не столько как посредника, сколько как механизма создания когнитивных моделей. Это тема, у Соссюра отсутствующая, но крайне существенная для Лумана.

Парадоксальный стиль Лумана, позволяющий соединить, казалось бы, несоединимые подходы, проявляется и здесь. Согласно его теории, язык вовсе не порождает новые когнитивные и репрезентативные структуры, его роль скорее быть фильтром. Язык хоть и навязывает смысловые структуры (и здесь можно увидеть и переключку с неогумбольдтианской

⁸ Ср.: «Специфическая роль языка в отношении мысли заключается не в создании материальных звуковых средств для выражения понятий, а в том, чтобы служить посредствующим звеном между мыслью и звуком, и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц» [Соссюр 1916/1977: 114].

⁹ Ср.: «Общество является всеобъемлющей системой всех коммуникаций, воспроизводящих себя аутопойетически, в то время как она производит все новые (и все время другие) коммуникации в рекурсивной сети коммуникации» [Луман 1994]; как видится, термин «общество» вполне может быть заменен на «язык».

теорией лингвистической относительности), но его роль — быть скорее цензором, нежели редактором и тем более соавтором. Выполняемая языком функция различения, отбора, селекции весьма близка к той концепции, которую Соссюр выразил в своем хрестоматийном рисунке — это вычленение из аморфных (с точки зрения данного языка) звуковых и ментальных потоков некоторых структурных корреляций («сегментаций»), которые и составляют систему данного языка. Развитием подобной точки зрения оказывается подход Лумана: функция языка в обществе — не только канал коммуникации, но и цензор, контролирующий этот канал и редуцирующий его содержание:

«Язык изолирует общество почти от всех событий окружающей среды физического, химического рода или событий, формирующих образ жизни, за исключением единственного возбуждения импульсами сознания. Подобно мозгу, который за счет исключительно малой способности глаз и ушей к резонансу почти полностью изолирован по отношению ко всему, что происходит в окружающей среде, общественная система почти полностью изолирована от всего, что происходит в мире, с помощью узких путей для раздражения, которые канализируются сознанием. Также, как в случае мозга, эта почти полная изоляция общества является условием оперативной закрытости и возможностью построения высокой собственной сложности» [Луман 1994].

Именно эта высокая степень сложности («комплексности») позволяет языку не просто отсекай фрагменты реальности, но и заменять ее собственными схемами, паттернами: «Система отгораживается от шума восприятий посредством собственных рекурсий, допуская лишь те возбуждения, которые могут перерабатываться ее собственным языком» [Луман 2011: 227]. Это дает возможность совместить соссюрианское понимание языка с гумбольдтианским. Правда, для этого вводится еще один медиум — культура, и только ее, а не язык, Луман наделяет семантикой:

«Следовательно, необходимо нечто промежуточное, примиряющее интеракцию и язык — своего рода запас возможных тем, имеющих наготове для быстрого и сразу же ясного начала конкретных коммуникативных процессов. Мы называем этот тематический запас культурой, а если он сохраняется специально для целей коммуникации, то — семантикой. Следовательно, серьезная, достойная сохранения семантика является частью культуры благодаря тому, что передает нам историю понятий и идей. Культура не является с необходимостью нормативным смысловым содержанием, она является, пожалуй, установлением смысла (редукцией), способствующим различию в тематических коммуникациях подходящих и неподходящих выступлений, либо корректного или некорректного использования тем» [Луман 2007а: 224–225].

4.2. Язык как автономная система может выступать и как система наблюдения (описания), и как его (трансцендентальный) субъект. Это предоставляемая теорией Лумана интересная возможность внести динамизм также и в семиотику знака (что не предусмотрено ни у Соссюра, ни у Пирса):

«Мы сохраняем верность лингвистическому повороту (linguistic turn), ставящему язык (...) на место трансцендентального субъекта. В собственном поведении общества как системы коммуникации стабилизируется то воображаемое пространство значений, которое не разрушается, а как раз устанавливается в рекурсивном применении коммуникации к коммуникации. (...) язык возникает в своего рода self-fulfilling prophesy» [Луман 2011: 233].

Языковая картина мира при таком подходе не есть нечто заданное, а всякий раз воссоздаваемое применительно к контексту коммуникации и подлежащее тем рекурсивным трансформациям, благодаря которым происходит приспособление языковых структур к изменяющимся условиям и результатам коммуникации, почему и язык может выступать как

самореализуемое описание и пред-писание (пророчество). Безусловно, к месту вспомнить знаменитый тезис Гумбольдта: язык не эргон, а энергия. Само понятие языкового знака как некоторой закреплённой связи между означаемым и означающим преобразуется Луманом в динамическую операцию соположения коммуникативных и когнитивных характеристик, но основные смысловые характеристики выявляются уже в предложениях, а точнее, в текстуальных структурах.

В теории Лумана осуществляющая коммуникацию система есть наблюдатель, она может описывать и окружающий мир (не-систему), и саму себя. В ёмкой перифразе А. Ф. Филиппова, это представлено следующим образом:

«Ведь до сих пор все описания были построены на том, что мы действительно описываем то, как это есть в действительности. Теперь пришла пора указать не просто на возможность иных различий, но и на то весьма тонкое обстоятельство, что наблюдение второго порядка (наблюдение наблюдателя) есть одновременно и наблюдение первого порядка, так как наблюдаемый наблюдатель есть также и объект наблюдения он сам. Однако более важным для социологов является заход, так сказать, с противоположной стороны: “Если речь идет о самонаблюдении, то наблюдатель — это система, которая себя наблюдает. Тогда он в системе. Он либо есть система... либо же, однако, он есть в окружающем мире. Соответственно, у нас имеется различие самонаблюдения и инонаблюдения. Система может быть наблюдаема со стороны окружающего мира... или это есть самое себя наблюдающая система”» [Филиппов 2003: 54].

Если рассматривать язык как самонаблюдающую и самоописывающую себя систему, тогда результатом этих самоописаний явится речь, которая в теории Соссюра понимается как реализация и манифестация абстрактной системы. В свете лумановской теории любопытным и куда более последовательным образом переосмысливается противопоставление внешней и внутренней лингвистики — как разграничение собственно системы и окружающей среды. Говорящие, тексты, контексты, контакты — все то, что Соссюр относил к ведению «внешней» лингвистики [Соссюр 1916/1977: 59–61], можно рассматривать именно как внешнюю среду для аутопоэтической системы «чистых отношений», подобно тому как, по Луману, люди, государства, классы и т. п. являются не компонентами общества, а его окружающей средой. Но при этом язык «вбирает» в себя и внешнюю среду, создавая внутри себя ее образ («образ мира, в слове явленный», Б. Пастернак).

В случае языка «коммуникация может заниматься сама собой» [Луман 1994].. Язык описывает и себя, свои операции в форме грамматики и окружающую среду в форме словаря (тезаурусных онтологий), и даже формы взаимодействия («соединения», «коммуникации») между системой и средой (контекстом) — это дейктика, прагматический аппарат высказывания, то, что Бенвенистом прозорливо было названо «Человек в языке»: человек как элемент окружающей среды, говорящий в процессе коммуникации обречен стать элементом языковой системы, местоимением «я»¹⁰.

¹⁰ Вероятно, это явление имело в виду Луманом, когда он, исключая индивидуумов из понятия общества, писал: «Конечно, остается возможность того, что индивидуум представляет общество, и что коммуникация в первую очередь использует личностей в качестве адресатов и в качестве тем. Но тогда следовало бы говорить не об индивидуумах (людях, сознании, субъектах и так далее), а о личностях в точном античном смысле слова. Имена и местоимения, которые употребляются в коммуникации, не имеют ни малейшего сходства с тем, что они обозначают. Каждый не есть “я” точно также, как слово “яблоко” не является яблоком» [Луман 1994]. Очевидно сходство этого положения с тем, что ранее было высказано Бенвенистом [1974: 293–294]: «Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть, — понятию “Его” — “мое я” (...) Тот есть “ego”, кто говорит “ego”. Мы находим здесь самое основание “субъективности”, определяемой языковым статусом “лица”».

Применительно к языку положение о системе наблюдения и инаблюдения можно развить в трех направлениях. Первое будет основываться на идее Ельмслева о том, что язык есть семиотика, на которую можно перевести все другие семиотики¹¹. Языковой знак рассматривается им как семиотика первого уровня — когда ни план выражения, ни план содержания не являются семиотикой (знаковой системой) [Ельмслев 1960: 368–369]. Последовательность звуков «р», «о», «з», «а» обозначает цветок; ни цветок, ни последовательность звуков не являются знаком, знаком их делает констелляция (используем этот термин именно в том значении, в котором его употреблял Луман, а не Ельмслев) между ними. Этот знак может послужить основой для семиотик (описаний и самоописаний) второго уровня, став либо его означающим, и тогда мы получим метаязыковые семиотики (*«роза» — сущестительное*), либо коннотативные (*роза* как символ красоты, затем — Богоматери). Этот процесс производного семиозиса может усложняться до бесконечности и принимать перекрестные формы. Так, бесконечность конструирования метаязыков (в духе А. Тарского) воспроизводит основную идею теоремы Геделя — всякий метаязык может быть описан и оценен только на основе метаязыка более высокого порядка. Аналогично, коннотативные семиотики приводят к такому усложнению языкового знака (в поэзии, философии, религии и т. п.), что требуют метаязыкового перевода (интерпретации). Например, коннотативная семантика имени «роза» отличается в античной, христианской, суфийской и др. традициях и для своей экспликации требует соответствующих метатекстов, которые в свою очередь могут порождать новые коннотации. Вторым направлением развития может стать выведение описания многоуровневого семиозиса из сферы языка в культуру, как то было осуществлено в разработанном в московско-тартуской школе понятие «вторичных моделирующих систем»: предполагается, что первичной моделирующей системой является язык, который и предоставляет некоторую семиотическую модель мира, и она становится объектом трансформации посредством уже иных знаковых систем (музыки, театра, мифа и т. п.). В этом свете становится мотивированным отнесение Луманом семантики к сфере культуры, а не языка. Наконец, крайне перспективным видится распространение аутопозиса (автореференции, рекурсии, само и инаблюдения) на понятие текста: так, в рамках той же московско-тартуской школы сформировалось понятие о тексте как о порождающем и интерпретирующем себя **интеллектуальном устройстве**, или **разумной душе**¹², а об организме — как читающем себя (гипер)тексте [Kull 1998; Zolyan, Zdanov 2018].

5. Комплексность в теории Лумана и уровневая организация языка

Еще одно возможное соотнесение между ключевыми понятиями теории Лумана и современной лингвистики — это комплексность у Лумана и понятие уровня в лингвистике. Коммуникация как многомерный процесс приводит к усложнению и автономизации форм организации системы и введению все более жестких ограничений на сочетаемость элементов. Комплексность понимается как «единство множества», которое обеспечивается

¹¹ Ср.: «Практически язык является семиотикой, в которую могут быть переведены все другие семиотики — как все другие языки, так и все другие мыслимые семиотические структуры. Эта переводимость основывается на том факте, что языки и только они одни способны давать форму любому материалу; в языке и только в нем мы можем «претворить невыразимое в выразимое» [Ельмслев 1960: 364].

¹² Ср.: «Текст (...) обнаруживает черты интеллектуального устройства: он обладает памятью, в которой он может концентрировать свои предшествующие значения, и одновременно он проявляет способность, включаясь в коммуникативную цепь, создавать новые нетривиальные сообщения» [Лотман 1992: 27].

ограничениями (избирательностью) на сочетаемость элементов и отношений. Внутренняя организация языка наглядно демонстрирует этот общий принцип системности и много-ступенчатого обособления системы от окружающей среды. (Заметим, что разграничение на уровни у Соссюра отсутствует, но оно логично выводится из его дихотомии «форма — субстанция».) Описание языковых уровней может наполнить конкретным содержанием достаточно умозрительные схемы Лумана. Так, соотношение между медиумом и формой, или формой и субстанцией проявляется как иерархия уровней: единицы последующего уровня строятся из единиц предшествующего, но уже по правилам, отличным от правил организации единиц предшествующего. Так, слоги состоят из звуков, но организация слогов добавляет к правилам предыдущего фонетического уровня также и новые правила формирования слогов в данном языке. Одновременно звуки являются элементами для морфем, но на уровне морфем при сохранении фонетических правил действуют и новые, характеризующие форму организации данного уровня. Соответственно, из морфем строятся единицы лексического уровня (слова), и здесь также действуют дополнительные правила, и т. д. При этом один и тот же элемент языка подлежит различным селективным ограничениям — так, применительно к звуку (элементу окружающей среды) действуют различные правила сочетаемости — в зависимости от того, рассматривается ли он применительно к уровню слога, морфемы или синтагмы. Определяющими оказываются не материальные характеристики звука, а его дифференциальные признаки, которые при этом варьируются в зависимости от уровня наблюдения / описания. Отсюда и возможность определения уровня языковой системы через метаязык его описания: уровень есть метаязыковое представление некоторой фонетической субстанции. Приведем известный пример самого короткого высказывания из латинских грамматик: «I» (на лаконичное *Eo rus* 'Я еду в деревню', ответом было еще более лаконичное *И!* — 'езжай!'). Звук «I» репрезентируется как фонема, слог, морфема, словоформа, глагол, предложение и высказывание — в зависимости от того, метаязык какого уровня будет задействован, а вовсе не как результат операции разложения на составляющие.

Обобщенный принцип уровневой организации языка может быть выражен в терминах Соссюра — Лумана как постоянное обращение субстанции / медиума в форму при порождении смысловых структур в процессе коммуникации по схеме: звук — слово — предложение — мысль, где каждый этап также подлежит дифференциации на уровни (характеризуется своей особой комплексностью). Вместе с тем в современной лингвистике развивается новое понимание уровневой организации языка, которое отсутствует в структурной лингвистике: это понимание уровней как автономных комплексов, связанных между собой интерфейсами. Внутри каждого из уровней можно увидеть разграничение между формой и медиумом: с одной стороны, задаются элементы и структуры, а с другой, правила, ограничивающие возможности образования структур из элементов. Взаимодействие между уровнями осуществляется уже на уровне готовых блоков: фонетических, лексико-синтаксических и семантических. Такое понимание получило именование параллельной архитектуры и является на сегодняшний день преобладающим в лингвистике [Jackendoff 2007: 48–52], что представляется нам весьма близким к предложенному Луманом описанию внутрисистемной комплексности, или, в его терминах, «комплексности самой комплексности». Оно неожиданным образом позволяет снять дихотомию между синхронией и диахронией:

«Комплексность, если ее разложить во временном измерении, представляется не только в виде временной последовательности различных состояний, но и, кроме того, в виде одновременности уже установившихся и еще не установившихся состояний» [Луман 2011: 148].

Применительно к языковой системе это положение можно распространить также и на варьирование языковой системы: **одновременность установившихся состояний** может быть соотнесена с типами варьирования, различающимися по характеру взаимодействия

системы языка с **окружающей средой**: территориальным (язык как система диалектов), временным (диахронические срезы языка), социальным (язык как система социолектов), стилистическим (функциональные стили языка), вплоть до языка индивидуума (идиолекты).

6. «Потаенный» Соссюр в свете системной теории Лумана

Рассматривая возможные точки соотнесения между концепциями Лумана и Соссюра, мы опирались на то, что было известно Луману, с чем он мог полемизировать или же солидаризироваться, то есть на ставшую канонической версию «Курса», подготовленную Сеше и Балли. Между тем, как это выяснилось в последние десятилетия, эта версия не может считаться адекватным отображением лингвистической концепции Соссюра. Как отмечает публикатор и исследователь архивного наследия Соссюра:

«Отвечая вместо Соссюра на вопросы, которые он сам оставил без решения, редакторы “Курса” подготовили почву для того, чтобы десятилетия спустя многочисленные исследователи отказались бы от идей Соссюра, тогда как более точное изложение позволило бы им найти в предполагаемой неполноте спекулятивной теории Соссюра эвристическую основу для продолжения их исследований в области философии и науки о значении» [Bouquet 2004: 216].

В качестве примера можно привести повторное открытие Бюиссансом понятия «курс», уточнения Бенвениста относительно семиологии знака и лингвистики речи, критику Бахтиным, а затем Крессом и Ходжем соссюровского объективизма, размышления Деррида о возможной «деконструкции» канонического «Курса» и многое другое. В случае Лумана ситуация несколько иная. Рассмотрев те аспекты, которые соотносятся с системной теорией Лумана (принцип дифференциации и формы), можно прийти к парадоксальному заключению: Луман не опровергает Соссюра, а скорее проясняет то, что у самого Соссюра осталось неразвернутым и необъясненным и не было в должной степени оценено его учениками-редакторами и потому осталось в архивах. Теория Лумана может послужить обоснованием прозрениям Соссюра [Bouissac 2004: 260] и сделать их понятными и реализуемыми в лингвистическом описании. Тем самым предложенная перспектива развития концепции Соссюра оказывается не только неоструктуралистской, но и неоссюрианской — она может претендовать на то, что оставшаяся в набросках теория языка как **семиотики интерпретации** (так она названа в [Bouquet 2004: 205]) есть закономерное развитие структурной лингвистики канонического «Курса». «Потаенный» Соссюр выступает не просто как «предшественник» системной теории, а как автор ее основных тезисов, развивая которые он оставил на долю потомков.

В первую очередь, меняется понимание известного тезиса — «язык есть форма, а не субстанция». В версии Сеше и Балли **форма** предстает в принятом понимании — в противопоставлении субстанции, как некоторый ее порядок или организация. Между тем Соссюр намечает следующий шаг, понимая форму уже как чисто реляционную сущность, не предполагающую какой-либо материализации, но только отграничения:

«Форма = не положительная упорядоченная сущность, или просто порядок, но сущность как отрицательная, так и комплексная (лишенная какой-либо материальной основы), рожденная на различиях, порожденных различиями от другой формы, В КОМБИНАЦИИ с различиями значений других форм» [Saussure 2006: 19] (здесь и далее заглавные буквы и подчеркивание воспроизводят оригинал. — С. 3.).

«Два отрицательных аспекта — всеобъемлющая система различий, которая действует для вокальных фигур в сочетании со всеобъемлющей системой различий, образующих значения, которые могут быть связаны между собой» [Saussure 2006: 13].

Как бы продолжая эту ключевую идею черновой рукописи «Двойная сущность языка», Луман поясняет Соссюра:

«Таким образом, язык обладает некой чрезвычайно выделяющейся *формой*. Как форма с двумя сторонами она задается различием *звука* и *смысла*. Тот, кто не способен овладеть этим различием, не может и говорить. При этом (...) имеется некая сгущенная взаимосвязь отсылок друг к другу обеих сторон — так что при том, что звук не является смыслом, он все-таки этим своим не-бытием *определяет* то, о каком смысле говорится в тот или иной момент. И наоборот, при том, что он не *есть* звук, смысл тем не менее *определяет* то, какой звук должен выбираться в тот или иной момент, когда проговаривается соответствующий смысл» [Луман 2011: 228].

Как видим, у Соссюра имеется то целостное понимание системности, которое в [Zeige 2015] предлагалось внести в лингвистическую теорию: система определяет отношения и отношения между отношениями, а не определяется составляющими ее элементами. Согласно Соссюру, «все явления — это отношения между отношениями. Или это можно выразить в терминах различий: все дело в различиях, действующих в противопоставлении друг другу, и благодаря вхождению в оппозиции, создающих значимость» [Saussure 2006: XIV].

Язык и его элементы есть форма, создаваемая самой системой на основе операций / отношений дифференциации. При таком подходе логичным оказывается то, что Соссюр, как впоследствии Луман, отказывается от референтного рассмотрения знака: знак также оказывается формой, а значение знака исчерпывается его различиями от других знаков, то есть значимостью:

«Форма не имеет значения, но имеет значимость» [Saussure 2006: 12]; «Значение каждой отдельной формы то же, что и различия между формами. Значение = разница в значении» [Ibid.: 13]; «1) Знак существует только в силу своего значения; 2) смысл существует только в силу различия между знаками» [Ibid.: 20].

Исходя из ряда заметок Соссюра, можно предположить, что у него референция может возникнуть на уровне предложения / дискурса, но это уже отдельная тема, выходящая за рамки нашей статьи.

Теория Лумана позволяет предложить отличный от принятого ответ на вопрос, как в теорию Соссюра может быть инкорпорировано понятие «структура». В свое время это было сформулировано Бенвенистом как парадокс:

«Соссюра по праву называют предтечей современного структурализма. И он действительно является таковым — во всем, кроме самого термина. При описании этого идейного течения нельзя подходить к вопросу упрощенно и следует подчеркнуть, что Соссюр никогда не употреблял слова “структура” в каком бы то ни было смысле. Для него самым существенным было понятие системы» [Бенвенист 1974: 61].

Исследователь показал, что впервые применительно к языку термин «структура» появляется в Тезисах Пражского лингвистического кружка в 1929 г., после чего начинается его победное шествие. Бенвенист [1974: 64] предлагает чеканную формулировку: «Трактовать язык как систему — значит анализировать его *структуру*». Из этого следует, что основоположник структурной лингвистики, наподобие мольеровского Журдена, хоть и анализировал язык как структуру, но не знал этого. Между тем вышеприведенные афоризмы Соссюра показывают, что можно предложить и иную интерпретацию, предположив, что в его представлении понятие системы коррелировало не со **структурой**, а с **формой**, и это сближает его концепцию с системной теорией Лумана. Если так, то понятие «структуры» в смысле «порядок отношений внутри системы» оказывается излишним.

Что касается Лумана, то он воспринял понятие «структура» от основоположника структурно-функционального подхода в социологии Талкотта Парсонса, чьим учеником

и продолжателем на первом этапе он был. Термин «структура» не стал у Лумана предметом особого анализа, хотя встречается довольно часто, в различных значениях (конструкция, институты, сопряжение, упорядоченные объекты). Но, насколько мы можем судить, Луман не использовал его именно в том значении, в каком оно укоренилось в лингвистике: как организацию отношений внутри системы¹³. Связь между понятиями **структуры** и **системы** можно увидеть в тех случаях, когда рассматривается появление **структур** как результат функционирования системы или же сопряжения различных систем. Из различных словоупотреблений имеет смысл выделить те, в которых Луман противопоставляет структуру и процесс (или структуры и операции, структуры и события). Как было сказано выше, по Луману, противопоставление **структуры и события** вместе с понятиями **форма** и **медиум** могло восполнить разрыв между **языком** и **речью** Соссюра. Концепция Соссюра может быть дополнена именно в этом направлении, а не в предлагаемом Бенвенистом. Тем самым, триада Соссюра *langage — langue — parole*, в которой отсутствует понятие структуры, может приобрести следующий вид: лингвистика, объект которой есть язык-*langage*, есть сопряжение лингвистики языка-*langue*, в которой язык описывается как триада: система — форма — структура, и лингвистики речи (*parole*), которая будет описываться в координатах: система — структура — процесс — событие. При таком представлении структура выступает в обеих ипостасях — в качестве формы организации как отношений внутри системы (*langue*), так и как процессов и событий речевой деятельности. Понятие структуры в силу подобной двойственности становится интерфейсом между языком-(*langage*), языком-*langue* и речью.

Наша интерпретация соссюровской триады представляется достаточно близкой к идее самого Соссюра. В его триаде есть место и для лингвистики речи: «Нужны лингвистика языка (*langue*) и лингвистика речи (*parole*)» [Bouquet 2004: 207] (обоснование и предмет такой лингвистики было дано в [Николаева 2015]). В отличие от авторов концовки «Курса», приписавших Соссюру чеканную формулу «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе и для себя» [Соссюр 1916/1977: 269]¹⁴; сам он полемизировал с таким подходом, приписывая его **школе Боппа**:

«Школа Боппа сказала бы, что языковая деятельность (*langage*) — это применение языка (*langue*). Теперь ясно, что существует постоянное взаимодействие, и лингвистическая система имеет свое единственное применение и единственное происхождение в языковых актах, в то время как язык (*langage*) — это применение и постоянный генератор языковой системы (*langue*), языковой акт должен сделать языковыми (*langue*) и применение, и сам его источник» [Bouquet 2004: 207].

Такое понимание вносит динамизм в отношение между языком и речью, и, опять-таки в противоположность соссюрианству, делает крайне условной грань между синхронией и диахронией:

«В языке никогда нет никаких постоянных черт, а есть лишь переходные стадии, которые управляются временем. Язык [*langue*] — это не что иное, как постоянная последовательность переходных состояний между днем до и днем после» [Bouissac 2010: 165].

Как видим, не будет противоречить взглядам Соссюра перенесение принципов системной теории, а также послужившей для ее основы теории эволюционного аутопоэзиса не только на **внутреннюю** лингвистику, но и на диахронию.

¹³ К сожалению, лаконичность замечания-примечания не позволяет увидеть, с чем не согласен Луман [2011: 125] в структуралистской концепции языка: «Мы разделяем неприятие чисто денотативного, а также чисто структуралистского понятия языка, и вслед за Матураной, утверждаем первичность понятия *операции*».

¹⁴ Ср.: «Последнее предложение *Курса* не только апокрифично, но и полностью противоречиво» [Bouquet 2004: 207]; о его (пред-) истории см. [Stawarska 2015: 213–219].

Не случайным представляется и то большое внимание, которое Соссюр уделял дискурсу — понятию, последовательно элиминированному редакторами «Курса»¹⁵ (и уже Бюиссанс [1942/2016] введет его в оборот в полемике с Соссюром). Возможно, так может быть заполнена лакуна между **структурой и событием / операцией**: на эту мысль наводят ремарки Соссюра о различии между словом в лексической системе и словом в предложении / дискурсе, а также между словом и предложением, которое он, в отличие от своих редакторов, не исключал из сферы языка, а считал зоной пересечения языка и речи [Bouquet 2004: 214–216]).

Нет оснований считать, что ближайшие ученики «извратили» концепцию учителя, но они, встречая подчас противоречивые и не всегда ясные положения, отсекали то, что не укладывалось в их восприятие, сделав теорию Соссюра более цельной и потому понятной для современников.

Заключение

Вне нашей компетенции судить, насколько существенным может оказаться вклад структуралистских и постструктуралистских теорий языка в развитие системной теории Лумана, однако что касается ее возможного воздействия на лингвистику, то оно видится весьма перспективным. Хотя Луман и отрицает рассмотрение языка как системы, тем не менее он во многом отталкивается от соссюрианских принципов описания языка как системы систем. При этом теория Лумана вносит новое важное измерение, придавая системности многомерный и динамический характер, преобразуя парадигматические и синтагматические отношения в операции. Благодаря этому преодолевается статичность при описании знака, равно как и описание синхронного состояния как некой «застывшей случайности» дополняется спектром потенциально заданных состояний языковой системы. Тем самым создается возможность для новой неоструктуралистской или даже неоссюрианской версии лингвистики, которая продолжит традиции системно-структурного подхода к языку, где формализм подобного описания будет дополнен конструктивизмом, в его динамическом сопряжении с процессами коммуникации и смыслопорождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антоновский 2007 — Антоновский А. Ю. Вместо заключения: смысл как коннективный механизм в языке, сознании и коммуникации. *Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем*. Антоновский А. Ю. М.: ИФ РАН, 2007, 95–122. [Antonovskii A. Yu. Instead of a conclusion: Meaning as a connective mechanism in language, mind and communication. *Niklas Luman: epistemologicheskoe vvedenie v teoriyu sotsial'nykh sistem*. Antonovskii A. Yu. Moscow: Institute of Philosophy, 2007, 95–122.]
- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974. [Benveniste E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Article collection; transl. from French. Moscow: Progress, 1974.]
- Бюиссанс 1942/2016 — Бюиссанс Э. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь — дискурс — язык. *Политическая наука*, 2016, 3: 209–216. [Buyssens E. De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques : La parole — le discours — la langue. *Acta Linguistica Hafniensia*, 1942, 1: 17–23. Transl. into Russian.]
- Дойчман 2018 — Дойчман П. «Коммуникация», «культура» и «общество» в теории систем Никласа Лумана. *Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: сб. материалов I Международной научно-практической конференции*. Брагина Н. Г., Жукова А. Г. (ред.).

¹⁵ Смысловое ядро этих употреблений можно свести к «высказыванию в его употреблении», см. специально посвященный дискурсу раздел в [Bouquet 2004: 210–214].

- М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018, 87–89. [Deutschmann P. “Communication”, “culture” and “society” in Niklas Luhmann’s Systems Theory. *Persekaya granitsy: mezhkul’turnaya kommunikatsiya v global’nom kontekste: sbornik materialov I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Bragina N. G., Zhukova A. G. (eds.). Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2018, 87–89.]
- Ельмслев 1960 — Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. *Новое в лингвистике*. Вып. 1. М.: Прогресс, 1960, 264–389. [Hjelmslev L. *Prolegomena to a theory of language*. Baltimore: Indiana Univ., 1953. Transl. into Russian.]
- Жуков 2019 — Жуков Л. Б. *Философская схема Лумана: Опыт философской интерпретации общей теории систем Никласа Лумана*. М.: УРСС, 2019. [Zhukov L. B. *Filosofskaya skhema Lumana: Opyt filosofskoi interpretatsii obshchei teorii sistem Niklasa Lumana* [Luhmann’s philosophical system: Attempt at a philosophical interpretation of Niklas Luhmann’s General Theory of Systems]. Moscow: URSS, 2019.]
- Лотман 1992 — Лотман Ю. М. Мозг — текст — культура — искусственный интеллект. *Избранные статьи*: В 3 т. Т. 1: *Статьи по семиотике и типологии культуры*. Лотман Ю. М. Таллинн: Александра, 1992, 25–33. [Lotman Yu. M. Brain — text — culture — artificial intelligence. *Izbrannye stat’i*: In 3 vols. Vol. 1: *Stat’i po semiotike i tipologii kul’tury*. Lotman Yu. M. Tallinn: Aleksandra, 1992, 25–33.]
- Луман 1994 — Луман Н. Понятие общества. *Проблемы теоретической социологии*. Бороноев А. О. (ред.). СПб.: Петрополис, 1994, 25–42. [Luhmann N. Pogem družbe [The notion of society]. *Teorija in Praksa*, 1991, 28: 1175–1185. Transl. into Russian.] <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2969>.
- Луман 2007а — Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории*. СПб.: Наука, 2007. [Luhmann N. *Soziale Systeme: Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Frankfurt: Suhrkamp, 1984. Transl. into Russian.]
- Луман 2007б — Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества. *Социологическое обозрение*, 2007, 3: 100–117. [Luhmann N. „Was ist der Fall?“ und „Was steckt dahinter?“ *Die zwei Soziologien und die Gesellschaftstheorie*. Bielefeld: Universität Bielefeld, 1993. Transl. into Russian.]
- Луман 2011 — Луман Н. *Общество общества*. Кн. 1: Общество как социальная система. Кн. 2: Медиа коммуникации. Кн. 3: Эволюция. М: Логос, 2011. [Luhmann N. *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp, 1997. Transl. into Russian.]
- Луман 2016 — Луман Н. *Истина, знание, наука как система*. М.: Проект letterra.org, 2016. [Luhmann N. *Wissenschaft der Gesellschaft*. Frankfurt: Suhrkamp, 1993. S. 7–11, 122–469. Transl. into Russian.]
- Матурана 1995 — Матурана У. Биология познания. *Язык и интеллект*. Герасимов В. И., Нерознак В. П. (ред.). М.: Прогресс, 1995, 95–143. [Maturana H. R. *Biology of cognition*. Biological Computer Laboratory Research Report BCL 9.0. Urbana (IL): Univ. of Illinois, 1970. Transl. into Russian.]
- Назарчук 2012 — Назарчук А. В. *Учение Никласа Лумана о коммуникации*. М.: Весь мир, 2012. [Nazarchuk A. V. *Uchenie Niklasa Lumana o kommunikatsii* [Niklas Luhmann’s theory of communication]. Moscow: Ves’ Mir, 2012.]
- Николаева 2015 — Николаева Т. М. О «лингвистике речи» (в частности, о междометии). *Вопросы языкознания*, 2015, 4: 7–20. [Nikolaeva T. M. On the “linguistics of speech”. *Voprosy Jazykoznanija*, 2015, 4: 7–20.]
- Посконина 1999 — Посконина О. В. Никлас Луман: Жизненный путь, сочинения и основные идеи. *История философии: Запад — Россия — Восток*. Кн. 4: *Философия XX в.* Мотрошилова Н. В., Руткевич А. М. (ред.). М.: Греко-латинский кабинет, 1999, 287–297. [Poskonina O. V. Niklas Luhmann: Biography, works and main ideas. *Istoriya filosofii: Zapad — Rossiya — Vostok*. Book 4: *Filosofiya XX v.* Motroshilova N. V., Rutkevich A. M. (eds.). Moscow: Greko-Latinskii Kabinet, 1999, 287–297.]
- Смирнов 2011 — Смирнов Г. П. Трансляция смысла в социальной коммуникации: критический анализ теории Н. Лумана. *Вестник Санкт-Петербургского университета, сер. 12*, 2011, 2: 293–299. [Smirnov G. P. Meaning translation in social communication: A critical analysis of N. Luhmann’s theory. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, ser. 12*, 2011, 2: 293–299.]
- Соссюр 1916/1977 — де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. *Труды по языкознанию*. Де Соссюр Ф. М.: Прогресс, 1977, 31–273. [De Saussure F. *Cours de linguistique générale*. Lausanne; Paris: Payot, 1916. Transl. into Russian.]

- Филиппов 2003 — Филиппов А. Ф. Теория систем: аутопойесис продолжается. *Социологическое обозрение*, 2003, 1: 50–58. [Filippov A. F. Systems Theory: Autopoiesis goes on. *The Russian Sociological Review*, 2003, 1: 50–58.]
- Эшби 1959 — Эшби У. Р. *Введение в кибернетику*. М.: Иностранная литература, 1959. [Ashby W. R. *An introduction to cybernetics*. London: Chapman & Hall, 1956. Transl. into Russian.]
- Bertalanffy 1968 — Bertalanffy L. *General Systems Theory. Foundations, development, applications*. New York: George Braziller, 1968.
- Bouissac 2004 — Bouissac P. Saussure's legacy in semiotics. *The Cambridge companion to Saussure*. Sanders C. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004, 240–260.
- Bouissac 2010 — Bouissac P. *Saussure: A guide for the perplexed*. New York: Continuum International Publishing Group, 2010.
- Bouquet 2004 — Bouquet S. Saussures unfinished semantics. *The Cambridge companion to Saussure*. Sanders C. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004, 205–218.
- Calise 2020 — Calise S. G. Language and Systems Theory: Critical remarks on the Luhmannian conception. *Sociology*, 2020, 3(52): 207–221.
- Esposito 1999 — Esposito E. Two-sided forms in language. *Problems of form*. Baecker D. (ed.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1999, 78–98.
- Jackendoff 2007 — Jackendoff R. S. *Language, consciousness, culture: Essays on mental structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 2007.
- Kull 1998 — Kull K. Organism as a self-reading text: Anticipation and semiosis. *International Journal of Computing Anticipatory Systems*, 1998, 1: 93–104.
- Luhmann 1990 — Luhmann N. *Essays on self-reference*. New York: Columbia Univ. Press, 1990.
- Luhmann 1999 — Luhmann N. Sign as form. *Problems of form*. Baecker D. (ed.). Stanford: Stanford Univ. Press, 1999, 46–63.
- Luhmann 2006 — Luhmann N. System as difference. *Organization*, 2006, 13(1): 37–57.
- Maurer 2010 — Maurer K. Communication and language in Niklas Luhmann's Systems-Theory. *Pandaeonium germanicum*, 2010, 2(16): 1–21.
- Saussure 2006 — de Saussure F. *Writings in general linguistics*. Bouquet S., Engler R. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Stäheli 2012 — Stäheli U. The hegemony of meaning: Is there an exit to meaning in Niklas Luhmann's Systems Theory? *Revue internationale de philosophie*, 2012, 1(259): 105–122.
- Stawarska 2015 — Stawarska B. *Saussure's philosophy of language as phenomenology. Undoing the doctrine of the Course in general linguistics*. New York: Oxford Univ. Press, 2015.
- Tóth 2015 — Tóth B. The term 'sense' in Niklas Luhmann's theory. *Belvedere Meridionale*, 2015, 1(27): 126–133.
- Zeige 2015 — Zeige L. E. From Saussure to sociology and back to linguistics: Niklas Luhmann's reception of *signifiant/signifié* and *langue/parole* as the basis for a model of language change. *Semiotica*, 2015, 207: 327–368.
- Zolyan, Zdanov 2018 — Zolyan S., Zdanov R. Genome as (hyper)text: From metaphor to theory. *Semiotica*, 2018, 6(225): 1–18.